Лоскутки: Записки священника

Всеволод Чаплин

SHOUT
SHARE
IT

•

Один в общем-то неглупый и вполне образованный государственный деятель в начале девяностых рассуждал о религии так: “Вот у нас есть мусульманская церковь. Есть православная концессия. Ну и другие всякие”... Другой однажды с умным видом говорил о “небесном представительстве Богородицы”. А больше всего меня изумил телерепортаж об освящении игуменом Иннокентием (Павловым) в 90-е годы студенческого общежития: “Здание окропил святой водой митрополит Московский освятитель Иннокентий”. Хорошо хоть нимб не пририсовали...

Служил Пасху во Вьетнаме, на нефтяной базе. Люди там в основном русские, но от Церкви далекие. Литургия совершалась в культурном центре — здании, плотно окруженном магазинами и летними закусочными. Идем крестным ходом. Мужики, отрываясь от пива, смотрят на нас примерно так, как будто бы мимо шел слон или летела тарелка с гуманоидами. Один другому:

— Ничего себе... Не, это что, взаправду?

— А я вообще не понял. Во чего бывает...

Девушка приходит к священнику за “благословением на пирсинг”. Батюшка отвечает:

— Все дырки, какие тебе нужны, Господь и так уже создал. А будешь говорить глупости — одну из них может и закрыть!

Военный чин произносит тост, держа в руках подарок архиерею:

— Владыка, Господь сказал: Бог любит троицу. Вот мы от нас троих, с моими замами, вам тут бутылку принесли. Для персонального причащения!

Рассказывают, как один архиерей говорил прочувствованную проповедь перед студентами семинарии и девушками из епархиального училища. Главная тема — обличение мирских пороков.

— В каком обществе мы живем? — воздевает руки владыка. — Посмотришь направо — проститутки! (Десница при этом указует направо, где стоят епархиалки.) Посмотришь налево — наркоманы! (Жест в сторону семинаристов.) Посмотришь прямо перед собой — рэкетиры, мафия!!! (Обе руки простираются к духовенству, которое, стоя под амвоном, смиренно внимает архипастырскому слову.)

В католической традиции священник на исповеди обычно предлагает кающемуся прочесть “за покаяние” определенное количество молитв. Один американский православный священник рассказал мне такую историю. Едет он по трассе, превысив слегка скорость. Останавливает его полисмен, по виду ирландец, то есть наверняка добрый католик. Видит “клерикальную” рубашку с белым квадратиком на воротнике.

— Вы священник?

— Да.

— Штраф я с вас не возьму. Прочтите десять раз Ave Maria, пять раз “Отче наш” и пообещайте ездить осторожнее.

Владыка Иларион рассказывал, как в советское время, будучи иеромонахом, пришел в подряснике в Успенский собор Кремля и спросил:

— А можно в алтарь зайти?

— Вам нельзя.

Чего все-таки боялись самоуверенные музейщики эпохи атеизма?

Служил с недавно рукоположенным диаконом. Тот вел себя очень неумело. Кадило брал “как бомбу, как ежа”, удивленно его рассматривая. Совсем комичная ситуация получилась, когда он начал закрывать царские врата. Высунул голову, склонил ее — и прищемил шею створками. Открыть их назад не решается. Пока я не водворил его с трудом на место, народ в храме с минуту наблюдал такую вот картину: почти закрытые врата, а из них торчит озабоченная голова.

Немецкие лютеране, устав от общения с русскими “церковными дипломатами”, которых всегда считали замшело-консервативной публикой, решили пригласить в гости настоящего “человека из народа”. Он-то точно все поймет и не будет морочить голову богословскими различиями... Позвали одного известного архимандрита со студентами провинциальной семинарии. Долго вместе посещали лютеранские общины, пили пиво, говорили друг другу красивые слова: мол, общего у нас больше, чем отличного, а перегородки уж точно не достигают неба... В последний день сидели дома у местного епископа. Полное братание. Архимандрит расчувствовался, да и говорит хозяину:

— Хороший вы человек, просто замечательный! Вот только с супругой невенчанными живете. Вам бы покреститься...

Больше немцы его в гости не звали. Ищут новых “либералов из народа”.

Отец Димитрий Дудко как-то поведал мне рассказ одного новообращенного. Этот человек пришел к католикам — там встретили приветливо, посадили на скамейку в первый ряд. Затем заглянул к баптистам — там и чаем напоили, и невесту обещали приглядеть. Пришел в православный храм — там лишь одна старушка оглянулась, фыркнула и опять отвернулась. “Батюшка, я экономист, — сказал этот человек отцу Димитрию, — и знаю, что хороший товар навязывать не будут”.

Беседуя с жителями Западной Европы — верующими и неверующими, — многократно ловил себя на мысли, что в них сохраняется внутренний надлом по отношению к собственной христианской традиции. С одной стороны, они расстались с нею навсегда, похоронив ее под пеплом революций и под ворохом рекламных проспектов церковного обновления. Но им до сих пор ее ностальгически жалко — ведь при ней было так уютно... Не случайно на старости лет или в моменты кризисов европейцы так любят поехать в древний монастырь — потосковать, послушать григорианскую мессу...

Другая духовная проблема Запада — его духовное одиночество. Оторвавшись от Восточной Римской империи, предав анафеме ее духовность, а затем низложив и разграбив Константинополь, Запад, если пользоваться любимой метафорой католиков, начал дышать одним легким. Попросту говоря, начал задыхаться, ослабляя организм застойными явлениями. Дальше — больше. Поработив все нации, кроме России и Китая, но ничего от них не почерпнув, “просвещенный мир” окончательно окреп в своей “самодостаточности”, убедил себя в том, что он и только он является идеальной моделью для всех. Запад не слышит критики извне, а критика внутренняя становится все более шаблонной и зашоренной. Одиночество усугубляется...

Русский человек запросто может прийти к храму часа в два ночи и начать заплетающимся языком молиться, а то и что-то требовать. Один батюшка рассказывал, как к нему в деревенский храм приходили по ночам мужики со своим наболевшим:

— Отец, а какой там Бог есть, кому молиться? Вот жена у меня сволочь, вот надо что-то такое... Какой “сплю”, ты ж поп!

Впрочем, все-таки именно в храм идут, а не к “нервному врачу” и не к участковому...

В первой половине восьмидесятых приехал на Пасху в Тулу. С трудом прошел через обычные тогда кордоны “дружинников”, не пропускавших на службу молодежь. В храме, конечно, было большинство бабушек. Вся окружающая реальность тщилась заключить Церковь в душное, умирающее гетто. Но вот началась служба, и Владыка Герман (Тимофеев) с необычайным подъемом воскликнул: “Христос воскресе!” Вся его манера служить, как и сейчас, несла в себе нечто вселенское, открытое, апостольское. Начали читать Евангелие — на греческом и латинском, на современных европейских языках. И то, что происходило в храме, совсем не было похоже на гетто. Скорее наоборот: именно вовне, среди мрачных дружинников и сдерживаемой ими полупьяной толпы, царили духота, замкнутость, безысходность. Храм же вмещал весь мир, и главное — вмещал радость Воскресения Христова. Ту радость, которая открывает горизонты и сердца.